

Рождественский
подарок

.....
от кого

.....
кому

Не так много в нашей жизни событий, которые безусловно нас объединяют — вне зависимости от возраста, социального положения, религии. И безусловную важность одного из таких событий каждый из нас утверждает ежедневно — сознательно или неосознанно. Всякий раз, когда мы называем любую дату с годом, мы говорим об очень важной точке отсчета в человеческой истории — а именно о Рождестве Христовом.

Для христиан это действительно самый важный факт в истории человечества. Более того, в определенном смысле это событие и создает историю человечества. Почему это так, в чем его значимость, почему важно это осознавать? Может быть, достаточно сказать: «Веселого Рождества! Merry Christmas!» — купить подарки родным и близким, в американском стиле испечь индейку, и все в порядке?

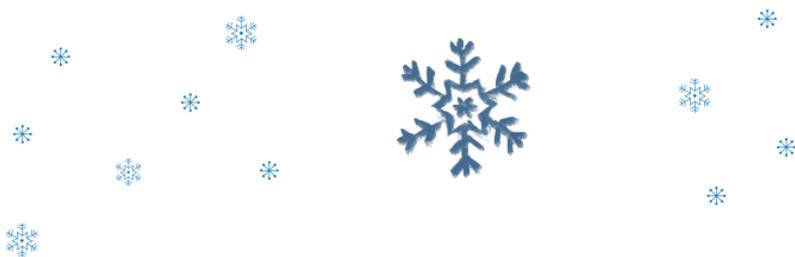
В Древней Церкви праздник, который сегодня называется Рождеством, именовали Богоявлением, по-гречески «теофания» — явление Бога. Его праздновали вместе с Крещением, которое ныне называется Богоявлением. Суть праздника заключается в том, что Бог становится Человеком и открывает Себя людям. Тот, Кто являлся непостижимой тайной, Тот, Кого в древне-еврейской традиции напрямую не называли, имя Которого только один раз в году мог произносить первосвященник, заходя в Святая святых Иерусалимского Храма, — становится Человеком и открывает Себя людям. Такого никогда не было, ни в одной религии, ни в одной культуре, это действительно исключительное событие, которое становится центральным моментом всей человеческой истории.

Но почему? Что изменилось с приходом Христа? Что такого важного произошло по-

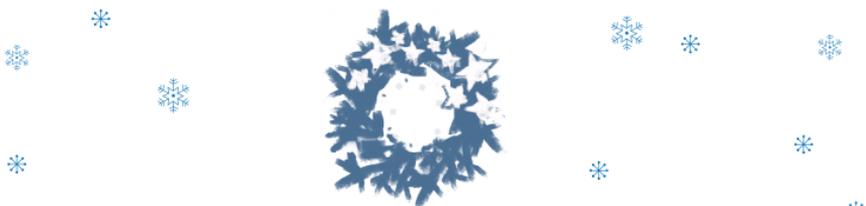
сле того, как Бог стал Человеком? А то, что в отношениях между Богом и человеком произошло самое настоящее преобразование: Бог стал очевидно близок, очевидно явлен миру, Его можно было коснуться, и это бесконечно важно, это совершенно меняет все представления человека о Боге, о человеке и об отношениях Бога с человеком. Ближайший ученик Христа, апостол Иоанн Богослов, в своем послании с изумлением вспоминает, как ходил рядом с Самим Богом — но тогда этого никто не понимал: «О том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и осязали руки наши, — о Слове Жизни... мы свидетельствуем... и возвещаем вам» (1 Ин. 1: 1–3).

Рождество радикальным образом изменяет и внешнюю сторону религиозности: рождается традиция иконописи. До этого нет изображений Бога в монотеистической традиции евреев: в Писании говорится, что

Бога не видел никто и никогда, поэтому невозможно Его изображать. Но с Боговоплощением всё в корне изменяется: Бог явил Своего Единородного Сына как видимое, осязаемое свидетельство о Нем Самом. Когда ученики Христа по своей простоте просили Его «показать им Небесного Отца» — то есть Бога, — Христос ответил: видевший Меня — видел Отца (Ин. 14: 9). Бога теперь можно увидеть, коснуться — а это значит, Бога можно изображать. Небо сходит на землю, Бог становится Человеком.

В чем причина Богоявления? Это чрезвычайно важный вопрос. Всем известен библейский рассказ о грехопадении — про Адама и Еву, нарушение ими заповеди, изгнание из Эдемского сада. Важно понимать, что история Адама и Евы — это не рассказ про жизнь одного семейства: жил да был мужчина Адам, была у него жена

Ева, что-то они не то съели, Бог рассердился и выгнал их. История совсем не про это. В таких бытовых образах и простых словах Библия повествует нам о грандиозной все-
ленской катастрофе, о том, что человек, который сотворен Богом для того, чтобы с Богом находиться в постоянном прямом общении и любви, от Бога отпадает, от Бога прячется. Адам и Ева нарушили завет Бога, запрещавший брать плоды с единственного дерева в райском саду: со всех деревьев в Эдемском саду можете есть, а вот только с одного — не можете, потому что в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2: 17). И это нарушение заповеди произошло: Адам и Ева предпочли свою волю воле Творца. А затем они спрятались от Бога. Наивные, они думали, что можно спрятаться за куст и Бог их не увидит! И дальше происходит нечто крайне важное в отношениях Бога и человека. Бог, прекрасно по-

нимая и зная, что произошло, спрашивает у Адама: не ел ли ты с дерева, с которого Я запретил тебе есть? (Быт. 3: 11) Грех уже произошел, но Творец не только оставляет шанс исправить ситуацию, Он буквально подталкивает Адама к покаянию Своим вопросом. Но что отвечает Адам? Очень примечательный ответ, он не говорит: «Господи, прости, я нарушил!» — он говорит: «Жена, которую Ты мне дал, она ела и меня соблазнила». Это очень серьезное, глобальное изменение, это глубинный разрыв отношений Бога и человека и изгнание из Эдемского сада. Всё это не столько даже наказание в прямом юридическом смысле, а скорее, спасение Адама, потому что они с женой больше не могут предстать перед Богом, они — порченые грехом, вывалившиеся своеволием из вселенской гармонии, созданной Богом, и эту заразу будут распространять неизбежно, где бы они ни появились. Поэтому они изгоняются из

Эдемского сада — и для них начинается новая жизнь.

Вот откуда этот разрыв, эта неизбывная тоска по Эдему, потерянному раю, стремление вернуться в Эдем, восстановить прямые отношения с Богом, связать себя с Богом. Душа человека тоскует об этой Личности, о Любви с прописной буквы. Наша генетическая память в глубине души постоянно свидетельствует о том, что некогда всё было — да и должно было быть! — совершенно по-другому. Одна из версий этимологии слова «религия» говорит о том, что это — связь, от латинского глагола «связывать». И вот человек стремится восстановить эту утраченную связь, но сам не может. В реальной жизни каждому из нас далеко до барона Мюнхгаузена, никак не получается вытащить самих себя за волосы из болота. Человек пытается, но не может; он мучается, болеет душой, хочет найти Бога, а вместо Него изображает себе

то золотого тельца, то еще кого-то другого и поклоняется ему.

Христианство говорит нам о том, что два самых главных последствия изгнания из Эдема — это смерть физическая, телесная и смерть духовная. «В тот день, когда вкусишь, смертью умрешь». Если не вкусишь, значит, не умрешь — ведь человек не должен был умирать, он был сотворен способным никогда не умирать. И вот физическая смерть, телесная смерть — это результат грехопадения. Это и есть основная, первая часть катастрофы.

А вторая часть — нечто не менее значимое. В Эдемском саду у дерева познания добра и зла человек стал на колени — только не перед Богом, а перед грехом. Апостол Павел потрясающе говорит об этом: «Бедный я человек, то хорошее, чего я хочу делать, — я не делаю, а то плохое, чего не хочу, — де-

лаю. Если так происходит, то делаю это не я, а грех, сидящий во мне» (см.: Рим. 7: 19–24). Грех входит в природу человека, человек меняется существенным образом, он становится другим, он преклоняет свои колена как знак подчинения — но только не перед Богом, а перед грехом.

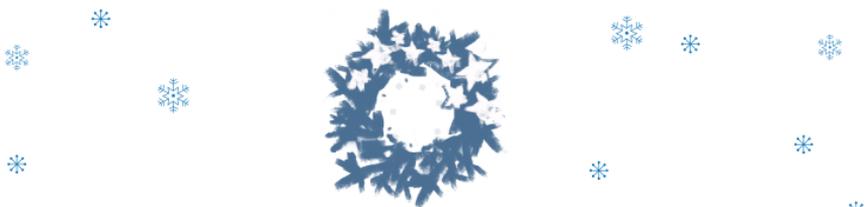
И христианство объясняет нам, как встать с колен, как изменяться, чтобы восстановить этот некогда разрушенный союз. Библия говорит, что не может человек этого сделать своими силами и для этого нужен только Сам Бог. Но почему именно так?

У христианских писателей встречается образ источника, некогда загрязненного, который уже не в состоянии давать чистую воду. Представьте себе: вокруг этого источника поколениями живут люди, пьют эту грязную воду, постоянно болеют, умирают. Все понимают: что-то не так с водой, но другого источника нет! В эту воду бросают то глину, то ка-

кие-то травы, читают заклинания, а проблема так и остается: ведь никто из жителей и представления не имеет, что такое — чистая вода! И однажды в этом же селении вдруг из-под земли пробивается новый ключ — с кристально чистой водой: это Творец приходит к Своему творению, приходит на землю, чтобы исцелить падшую природу, чтобы поднять человека с колен, чтобы он вновь мог свободно предстоять перед Богом и свободно, добровольно выбирать добро.

Но возможно ли это сделать? Ведь Бог мог по-разному прийти, как угодно. В языческих мифах явления божеств в земном мире сопровождались, как правило, различными эффектами, чтобы люди понимали: идет некто великий и сильный. Даже истинный Бог является Моисею на Синайской горе в громах и молниях. Но Христос приходит совершенно неожиданным образом, не в славе царя, как это можно было ожидать

от Самого Сына Бога. Он приходит, как говорит Писание, «в образе раба» (Флп. 2: 7), то есть в виде простого, ничем не примечательного, обычного человека. Когда Он творит невероятные, невиданные чудеса — исцеляет неизлечимо больных, воскрешает мертвых, изгоняет демонов, — окружающие смотрят на Него непонимающими глазами и говорят: откуда в Нем такая сила? Разве Он не сын плотника Иосифа и Марии, и его братьев мы тоже всех знаем? (см.: Мф. 13: 55; Мк. 6: 3) Все они — самые обыкновенные люди! Более того, даже ближайшие ученики Христовы вплоть до Воскресения Христа из мертвых не вполне понимали, Кто это ходит рядом с ними, ест, пьет, спит, грустит, гневается... Но такое Рождество — скромное, незаметное, без пышных торжеств и почестей — было необходимо для того, чтобы была Пасха; без Боговоплощения не было бы и Воскресения. Падшей человеческой

природе необходимо было восстановление и исцеление: человеку надо было встать с колен, сбросить ярмо служения демоническим силам, освободиться от греха и вновь обрести бессмертие.

Один замечательный святой, Афанасий Александрийский, в IV веке потрясаяще ответил на вопрос, зачем нужно было Боговоплощение: «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом». Ни больше ни меньше. Вот что значит спасение с христианской точки зрения, в этой фразе заключена вся суть христианства. Поэтому очень важно осознанно к этому подходить, понимать, что в этом и есть основной смысл Рождества, вот что именно мы празднуем и вспоминаем в эти дни. Апостол Павел называл вочеловечение Бога самоуничижением, самоумалением (см.: Флп. 2: 7–8). Но нам очень важно понять: чтобы человек смог зайти на небо, небо сначала должно опуститься на землю.

Это и есть проявление той любви, о которой говорит Писание, называя самого Бога Любовью: Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4: 16).

Христос, Сын Человеческий, как Он Сам Себя неоднократно называет, Богочеловек, совершает абсолютный прорыв в отношениях Бога с человеком. Но каковы представления христиан о Боге? Как понять величие этого боговоплощения? Говоря языком философии, для монотеистического понимания Бог трансцендентен миру. Он — над этим бытием по сути, вне его.

В чем отличие христианского Бога от, например, греческих богов? Греческие боги антропоморфны, то есть они человекоподобны. Кто такой Зевс? Он просто эдакий супермен, не просто супергерой, а суперсу-

пермен. Его бессмертие значит лишь то, что он никогда не умрет. Но он точно так же, как и обычные люди, изменяет жене, злится, радуется, ест и так далее — ест конечно же другое, — но сегодня тоже многие по-разному кушают. Бог христианский совсем не такой — это вовсе не старенький дедушка, который вращается на околоземной орбите. Когда мы говорим, что Бог вечен, мы утверждаем нечто принципиально иное, совершенно грекам неизвестное. Потому что у греков все ограничено космосом, есть предел, который греческая мысль не может преодолеть, — это природа, как бы она ими ни мыслилась. В греческой мифологии и для богов есть предел в мироздании, в космосе, который греки переживали как прежде всего разумную упорядоченность и красоту, противостоящие хаосу, беспорядочному началу. И греческие Боги точно так же подчиняются закону судьбы — этому безличному

страшному закону. Вот поэтому Зевс так боится Прометея!

Христианский Бог совсем иной, Он — Творец мира. А что это значит — Творец мира? По-гречески, Творец — «пиитис», то есть буквально «поэт». Бог творит не только пространство, как многие часто считают, но и время — это тоже творение Божье. Поэтому нельзя задать христианскому Богу вопрос: «А что Ты делал до того, как создал мир?» У Бога не было «до того». Это мы с вами живем в категориях прошлого, настоящего и будущего. Это мы можем сказать, что до начала концерта мы стояли в фойе. А Бог в этих категориях не живет, Он этим категориям не подвластен. У него нет нашей диахронии, протяженности во времени. И начало, и конец наших поступков — перед Ним, как на ладони. Это мы в процессе, а Он — над ним, вне его. Представляете, какой Бог воплотился! Не Зевс превратился

в кого-то и спустился, не Аполлон прискакал, а Бог, Который вне пространства и вне времени, Который и сотворил это пространство и время. Он трансцендентен, он вне этого мира, и теперь Он в этот мир входит — и преворачивается история, этот мир наполняется смыслом.

Это непостижимые вещи, они действительно рационально не улавливаются. Многие слышали знаменитую фразу: «Верую, ибо абсурдно», которую приписывают мыслителю II века Тертуллиану. Некоторые люди говорят: «Ой, вот эти христиане, что с них возьмешь, они верят в абсурд, верят в глупость», — но это примитивное, совершенно неверное толкование. Если прочитать настоящий текст Тертуллиана, он говорит иначе: Того, Кого не может вместить вся вселенная, вместили ясли; Тот, Кто сотворил вселенную, сам принял образ раба — это непостижимо, это не укладывается в созна-

нии, это нельзя придумать и поэтому, говорит Тертуллиан, это достойно веры, и я верую. Не потому, что мне доказали, не потому, что мне рационально объяснили это, как мы говорим, на пальцах, а потому, что это невообразимо, это настолько превышает любое самое смелое человеческое представление о Боге, что я могу только благоговейно склонить голову в вере перед этим удивительным фактом. То есть это благоговение веры перед тайной, несовместимой с простыми рациональными выкладками, а вовсе не «слепая вера».

И вот в этом чудо и тайна Рождества Христова — Бог обретает человеческое лицо! Нигде, ни в какой культуре такого нет, чтобы именно таким образом, такой Бог Творец обрел человеческое лицо! Еще один христианский святой, преподобный Иоанн Дамаскин, говорит: «Я увидел че-

ловеческое лицо Бога — и душа моя была спасена». Вот почему это самое важное событие в человеческой истории! Может ли быть что-то сопоставимое с этим, может ли быть что-то важнее этого?

В евангельском повествовании есть один эпизод. Христа приводят к Пилату. Кто такой Пилат? Едва ли мы сегодня знали о том, что был такой человек Пилат, если бы к нему 2000 лет назад не привели этого, как он думал, оборванца, который вроде как смущает народ какими-то проповедями... Никогда бы его имя в истории не сохранилось. К Пилату приводят человека, который говорит: Я есть путь, истина и жизнь (Ин. 14: 6). И рядом с этой Истиной Пилат, всего-навсего какой-то не самый большой начальник в Римской империи, высокомерно спрашивает: «Что есть истина?»

Булгаковский Иешуа оригинально, но очень плоско отвечает: «Истина в том, что

у тебя болит голова». Но это любой врач может сказать: «У тебя голова болит, выпей таблетку, мир станет красивее», — это очень при_митивное толкование величайшей религиозной тайны. «Что есть истина?» — спрашивает Пилат и уходит, даже не дождавшись ответа, не предполагая, что ответ в принципе возможен, — и тем самым евангельский автор подчеркивает абсурдность ситуации. У Истины, у Бога, он спрашивает высокомерно, что есть истина. Представьте, если бы студент подошел к ректору своего вуза и спросил: «А кто у нас ректор?» — и, не дожидаясь ни реакции, ни ответа, ушел. Вот абсурдность ситуации! И даже гениальному писателю Булгакову не удастся выразить эту религиозную тайну, она теряется у него, в выдающемся литературном произведении это религиозно плоский момент.

В мир приходит царь, настоящий, может быть, единственный настоящий царь, но приходит в абсолютном смирении, в безграничной кротости. Места в гостинице Ему не нашлось, Он рождается в хлеву, в яслях, где пища для скота хранилась. Не во дворце рождение, как у Будды, который сам себе родителей выбирает, не в царской семье. И фактом такого рождения Евангелие утверждает новый образец отношения к жизни. В чем он, этот образец? Почему Бог именно так приходит в мир? А потому, что Он приходит, чтобы послужить. Когда ученики, то есть люди, ближайšie ко Христу, те, которые три года с ним днем и ночью находились рядом, вдруг начинают спорить и говорить: «Посади нас в царствии Своего Отца, мы хотим быть рядом с Тобой!» — и Он им говорит слова, которые они сразу даже не понимают, он говорит: кто хочет между вами быть большим, да будет вам

слугою (Мф. 20: 26), – и говорит об этом неоднократно. Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк. 10: 45). Поэтому Он и не приходит в теле царя, Христос приходит, чтобы послужить людям.

Так же и священник в церкви являет собой образ Христа – он слуга людей, он должен служить людям, в этом его основное предназначение, служить прежде всего в храме, прежде всего в церкви, служить всей своей жизнью, всеми своими поступками, каждым своим словом. И единственный пример, который должен быть и перед каждым священником, и перед каждым христианином, – это Христос, как Он описан в Евангелии. Вот это служение – главный антидот к потребительству.

Мы сегодня много говорим о том, что мы живем в потребительском обществе, что все

знание человечества от Аристотеля до наших дней используется для того, чтобы мы с вами ровно через год поменяли одну модель телефона на другую. Зачем? Чтобы компании развивались и получали свою прибыль. Мы, называя себя свободными, абсолютно поработаны потребительским обществом, мы покупаем новые вещи, которые реально нам не нужны. Люди, которые производят вещи, делают их с такой точностью, что они через год обязательно выйдут из строя, потому что нужно производить новые и продавать. И вот единственный антидот этому потребительству — это служение. По образу Христова служения человечеству. И этот антидот промыслительно, как сказали бы христиане, 2000 лет назад в тело человечества уже был введен самим Христом.

Из идеи служения вытекает идея милосердия. Нам кажется сегодня естественным помочь тому, кому тяжело. Но не было так в Древнем мире, не было там представлений о человеке как таком: раб не считался человеком, а «вещью», женщина не считалась человеком, ребенок — тоже еще не человек. Даже в Евангелии это видно, когда говорится о чудесном насыщении пяти тысяч человек: а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей (Мф. 14: 21), — то есть для ветхозаветного еврейства женщины и дети — это еще не люди. И только благодаря христианству меняется это представление о человеке в корне. Многие слышали евангельскую историю о женщине-прелюбодейке — на эту тему написаны картины и книги, фильмы сняты о том, как женщину застали в прелюбодеянии и привели ко Христу. Женщина изменяла своему мужу. По закону Моисея ее нужно

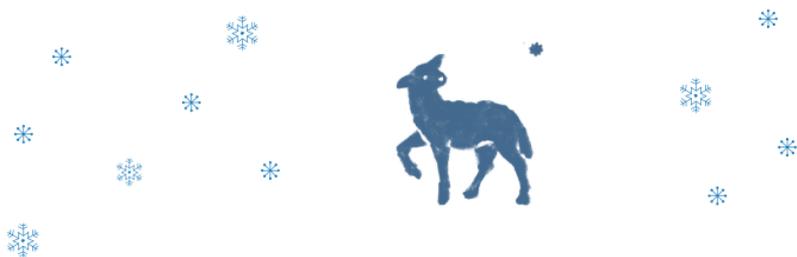

было побить камнями насмерть, про мужа не говорилось ничего никогда. И когда приводят ко Христу, Его хотят уловить старейшины еврейские и задают вопрос: что с ней сделать? Они-то знают, что Он милосерден и Он не должен обречь ее на смерть, но если Он ее не обречет на смерть, то выступит против закона Моисея. И Христос произносит слова, которых никто из них не ожидает. Он говорит: кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8: 7), — и все, один за другим, расходятся. Один из толкователей говорит, что Христос имел в виду — а кто из вас без этого греха, кто не изменял своим женам?.. И здесь важно даже не то, что мы можем делать вывод о нравственном характере общества того времени, но важно то, что впервые в истории провозглашается, что мужская измена — это тоже измена. И это совершенно другой взгляд на мир. В Римской империи до II века не было понятия мужской изме-

ны, и появляется оно только под влиянием христианства. И это очень важные вещи, это и есть тот переворот в человечестве, ради которого и приходит Бог на землю.

Говоря о Рождестве, нельзя не вспомнить о Божьей Матери, о Богородице и Деве Марии — этом величайшем подарке человечеству. Об этом можно говорить очень много, почитание Богородицы — древнейшая и богатая христианская традиция. Выдающийся проповедник XX века митрополит Антоний Сурожский сказал в 1968 году в проповеди на Рождество Пресвятой Богородицы: «Когда мы от Бога получаем милость — ликует наше сердце, но иногда делается тоскливо. Чем, чем мне воздать любовью за любовь? Где найти ту святость, ту ласку, ту способность отзываться всем естеством на милость Божью? И тогда, хотя мы знаем, что каждый из нас слаб и немощен

в любви, мы можем подумать о Матери Божьей, она за всех нас ответила совершенной верой, никогда не колеблющейся надеждой и любовью такой широкой, что она сумела обнять этой любовью и небо и землю, открыться любовью так, что воплотился Сын Божий. И так открыться любовью к людям, что все, самые грешные, могут к ней прийти и получить милость — это ответ всей земли, это ответ всей вселенной на любовь Господню». И вот именно поэтому за чистоту, за смирение, за любовь Церковь и почитает Богородицу и называет ее честнейшей херувимов, славнейшей без сравнения серафимов.

Однако по сей день можно встретить насмешливое, презрительное отношение к Рождеству Христову. Увы, в этом нет ничего необычного: еще в XIX веке в гуманитарных науках была популярна так называемая «мифологическая школа», которая говорила, что не было никакого Христа, придумали просто,

все это неправда. А если придумали, тогда и все остальное не важно. На эту тему написаны целые библиотеки, даже не тома, не книги, а библиотеки.

Но для начала надо понять несколько простых вещей. На сегодняшний день в гуманитарной науке факт существования такой Личности, как Христос, сомнения не вызывает. Евангельские события совершенно соответствуют историческим событиям того времени. Ключевой момент — это перепись населения, которая, по многим свидетельствам, действительно происходила при Ироде, где-то примерно в 7–6 году до н. э. И вот это именно та перепись, для участия в которой Иосиф и Мария должны были вернуться в его родной город Вифлеем, где и произошло Рождество Христа.

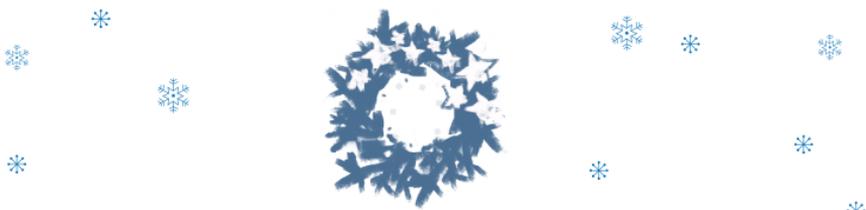
Следующий момент, чрезвычайно важный: многие древние тексты не дошли до нас в подлиннике. Включая любимых все-

ми нами философов Платона и Аристотеля. Все, что мы имеем сегодня, — это более поздние списки, то есть это совсем не «прижизненные издания», как бы мы сейчас сказали. Если взять любой текст, написанный во времена Рождества Христова, то дошедший до нас список отстоит от времени предполагаемого написания текста обычно на несколько столетий!

С Евангелиями была похожая история. Так называемые знаменитые находки Мертвого моря, которые произошли в середине XX века, — Кумранские рукописи, в которых содержатся частично те или иные Евангелия, датированы II–III веком, и это уже очень хорошая датировка!

Но вот в 1994 году немецкий ученый доктор Карстен Петер Тид еще раз изучил так называемую оксфордскую рукопись, которая содержит фрагменты Евангелия от Матфея, хронологически первого Евангелия в каноне

нической традиции. И он говорит, что смело можно датировать этот свиток 60–70 годами первого столетия. То есть этот текст написан еще при жизни апостолов! Сложно сказать, есть ли это тот оригинал, который диктовали апостолы, но это время, когда они еще были живы. Обратите внимание: ни один древний документ не имеет такого подтверждения своей подлинности, ни один! Это абсолютно уникальная в истории рукописей ситуация, когда от времени написания первого Евангелия этот свиток отстоит, может быть, всего лишь на десять лет.

Среди событий, которые так или иначе подтверждают историчность повествования, — знаменитое поклонение волхвов. Волхвы, говорит Евангелие, с Востока увидели звезду, шли за звездой и пришли в Вифлеем. Люди, которые скептически ко всему этому относятся, в том числе и сто-

ронники мифологической школы XIX века, говорили: «Ну вот вы совсем уже с ума сошли, какие звезды ходят по небу, что это за ерунда!» Однако еще в XVII веке знаменитый астроном Кеплер заметил такое явление, которое получило название «парад планет» — когда несколько планет сходятся в одной точке и получается эффект яркой звезды. В частности, он наблюдал Юпитер, Сатурн и Марс, когда их орбиты пересекаются, появляется на небе эффект яркой звезды. Кеплер сам его наблюдал в начале XVII века и сделал предположение, которое нашло серьезное подтверждение в научной среде, что, вполне вероятно, этот парад планет и наблюдался во время Рождества Христова. Поэтому звезда, которую видели волхвы, это не красивая выдумка авторов Евангелия, это, скорее всего, вполне объяснимое астрономическое явление. Волхвов кто-то называет царями, другие — магами; в западной традиции их по-

читают как святых царей, чьи мощи находятся в Кельнском соборе. Но наиболее вероятное предположение, что это были именно астрологи. Люди, которые наблюдали звезды, увидев такое явление, поняли, что оно свидетельствует о каком-то очень необычном событии.

Рождество Христово — это день, когда Бог пришел в мир, и теперь человек может стать Богом. Тем самым празднуется освящение человеческой природы. Пришествием Христа, Боговоплощением утверждается, что именно человек — единственный во всем мироздании сосуд, который может вместить в себя Божество. Человек сотворен по образу и подобию Бога, и это позволяет совершиться Боговоплощению. Вещь совершенно удивительная, и поэтому человек выносится из ряда всех остальных творений Божьих. Бог сотворил весь мир —

но только человек уникален, только человек настраивается на эту божественную волну, только он может непосредственно воспринимать голос Божий. Христос — эталон человечности не в смысле гуманистическом, а в смысле онтологическом, бытийственном. У Достоевского это совершенно пронзительно звучит, когда он говорит: «Если мне кто-то смог бы когда-то доказать, что истина находится вне Христа, я бы пожелал остаться лучше со Христом, чем с истиной». Богословски это наивная мысль, потому что Христос говорит: «Я есть истина», но по-человечески это очень понятно. Достоевский с присущей ему гениальностью утверждает уникальность Христа, что ничто не сопоставимо, ничто не сравнимо во всей человеческой истории с Ним. А это действительно тайна, которая требует и внимания, и поклонения, и молчания.

В западной и восточной христианской традиции Рождество празднуется не совсем одинаково. Современное христианство — это православие, католичество и протестантизм. В древности Церковь была единой; официальный раскол между Западом и Востоком, то есть между Римско-Католической Церковью и Восточно-Православной, происходит в середине XI века — в 1054 году. Однако традиции богослужения и культурного обрамления религиозной жизни на Западе и на Востоке изначально складываются по-разному. Неудивительно, что это коснулось также и Рождества. В этом нет какой-то принципиальной догматической разницы, но это интересно с точки зрения развития культуры.

На Востоке Рождество всегда прочитывалось как начало Крестного пути, потому что человек спасается Воскресением Христа: Своим сошествием во ад Христос зачерки-

вает последствия первородного греха, последствия изгнания из Эдемского сада, Он побеждает смерть и открывает новую эпоху в истории человечества. И поэтому для людей на христианском Востоке Рождество — это всегда первый шаг Христа к Его Голгофе. Да, Рождество — величайшая радость, но радость с пониманием и той величайшей скорби и трагедии, которая ждет всех нас в ближайшее время: Бог, Который стал человеком, Который ради нашего спасения сошел с небес, будет убит, как разбойник. Самой позорной казнью в то время — распятием на кресте. Римских граждан не могли предавать такой жуткой казни, только тех, кто не имел римского гражданства. И этот крест, орудие позорной пытки, станет символом спасения. Восточное христианство, всегда радуясь о рожденном Богомладенце, помнит и о пути страдания: переведя взгляд на землю, сразу устремляет его вверх, сразу

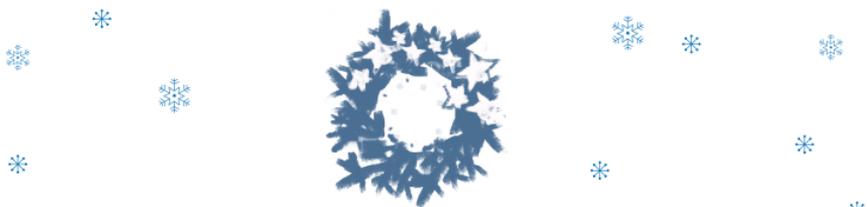
смотрит на небо, тем самым переносит нас даже не к страданию, а именно к Воскресению.

Западное же христианство в культурном плане делает акцент на освящении и благословении земной жизни. Бог стал человеком — и освящена человеческая природа, Бог ходил, Бог ел и пил с людьми, Он общался с теми, с кем иудей не должен был общаться — с женщинами, с людьми других племен, что было запрещено традицией. Тем самым Он показывает условность всех этих культурных перегородок и освящение всей земной жизни. И вот эта радость о спасении мира, но уже здесь и сейчас, как бы мы сказали, подчеркивается во всей традиции празднования Рождества на Западе. И у католиков, и потом у протестантов, и даже все эти наши бесконечные рождественские распродажи и ярмарки — они тоже есть такое далекое-далекое следствие этого первого радост-

ного открытого восприятия того, что как здорово, что Бог пришел на землю! Веселого Рождества! Мы не потеряны, мы вновь обретенны Богом, мы теперь опять с Богом, мы можем радоваться! Вот чему призваны все радоваться, а не тому, что удачно купил что-то на распродаже. Впрочем, и это «удачно купил» тоже в какой-то мере восходит к главной идее Рождества. Рождество как подарок — глубоко христианская идея, это не привнесенная идея. Рождество — это и есть подарок, самый большой дар Бога человеку.

И именно это Рождество было украдено: не в смысле голливудских фильмов про «злого Санту», а как сознательное вытеснение смысла праздника из культуры и быта. «Долой-долой монахов, раввинов и попов, мы на небо залезем, разгоним всех богов», — так пели комсомольцы в 1920-е годы и уничтожали память о Рождестве, как могли: сняли Вифлеемскую звезду с елки, установили

пятиконечную и так далее. В самом механизме вытеснения нет ничего удивительного, странного и даже запретного. Тут вопрос в смысле, какой праздник вытесняется каким — празднование Нового года вместо Рождества? И это украденное Рождество, которое сегодня в наше общество возвращается, это, конечно, дар. Мы сейчас не замечаем уже, слава Богу, что можем делать то, о чем наши бабушки-дедушки не могли даже мечтать — в плане празднования Рождества. Это было совершенно невообразимо. Но и в советское время потребительская тема тоже бросала вызов главной идее: ведь идет многодневный пост! Что такое пост? Пост — это не когда ты заказываешь в кафе постное меню. Пост — это внимательное отношение к своему внутреннему миру, к своим словам, к своим поступкам, к своему отношению к людям. К тому, что ты ешь, тоже конечно же, потому что после хорошего доброго пива слож-

нее становиться на молитву, даже если человек думает, что легче, что он сейчас всю душу, так сказать, откроет. И вот в это время, предрождественские дни наиболее строгого поста, наибольшего внимания христиан к своему внутреннему миру, внешний мир демонстрирует нам вакханалию шоппоголизма.

В русских традициях этого замечательного праздника уже в XII веке празднование Рождества на Руси предваряется Филипповым постом. Называется он Филиппов, потому что начинается сразу после дня празднования памяти апостола Филиппа. Рождественский, или Филиппов, пост — неотъемлемая часть подготовки христианина к Рождеству Христову, которое празднуется не один день, а почти две недели — от Рождества и до Крещения, это период знаменитых Святков. Это тоже пример культурного замещения: в эти дни у язычников были

свои праздники, и по содержанию, и по форме противные христианскому благонравию. Но христиане смогли увидеть в этих, казалось бы, враждебных праздниках возможность разжечь где-то в глубине сохранившуюся искру истины: в это время, время поворота года «с зимы на лето», мы можем и должны радоваться, но только не солнышку, а Тому, кто запустил это солнце.

В русской традиции празднование Рождества, а на самом деле и любого праздника, было связано с традицией милосердия. Праздник не праздник, если ты радуешься один, праздник не праздник, если ты не идешь к тому, кто по каким-то причинам — по болезни, по старости, по младенчеству — не может разделить всю полноту этого праздника. Праздник не праздник, если ты не приходишь к нему и не делишься своей радостью с этим человеком. Наши священники и сам Святейший Патриарх всегда в день Рожде-

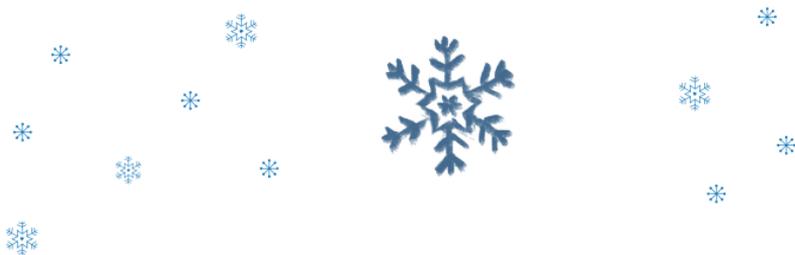
ства посещают или больницу, или приют, или детский дом — это и символично, и важно, потому что человек получает на самом деле больше, чем отдает в такие дни и в таких местах.

* **Р**ождество — это праздник самой большой надежды, которая только может быть у человека, надежды о спасении. Люди ждут спасения и ждут исполнения каких-то других желаний. В «Хрониках Нарнии» у К.С. Льюиса есть удивительная в своей глубине мысль: «Христос обещает нам так много, что скорее желания наши кажутся Ему не слишком дерзкими, а слишком робкими. Мы недоумки, забавляющиеся выпивкой, распутством, успехом, когда нам уготована великая радость. Так возится в луже ребенок, не представляя себе, что мать или отец хотят повезти его к морю. Нам не трудно, нам слишком легко угодить». Это — потрясающие слова ис-

кренного христианина. Хорошо бы нам помнить об этих словах, особенно когда мы начинаем жить предвкушениями тех или иных подарков.

Ведь главное отличие Рождества — этого рождения Сына Бога и Сына Девы — от всех других дней рождений в том, что Христос приходит в этот мир не для того, чтобы наслаждаться жизнью, как приходим все мы, чтобы обрести в этой жизни человеческое счастье. Он приходит, чтобы отдать свою жизнь ради всех нас. Младенец, который лежит в яслях, — это не просто милый и очаровательный младенец, а это Агнец, который уготован к закланию. В яслях — цена нашей свободы: грешить или жить по-человечески. В яслях наша уверенность в том, что грех теперь не доминанта жизни человечества, дьявол — бессилен и смерть — не страшна. Ибо Лежащий в яслях — этот кроткий, беззащитный Богомладенец — в своем смирении

и любви окажется в итоге сильнее всей многотысячелетней истории человеческого зла и нечестия, боли и невзгод, ухищрений дьявола, бездонного страха смерти и пустоты. Какие же счастливые люди мы, христиане, имея такого Бога!

С Рождеством
Христовым!

УДК 241
ББК 86.372
В 27

Великанов П. И., протоиерей, Легойда В. Р.

В 27 Несколько слов к Рождеству Христову. — М.:
Никея, 2016. — 48 с.: илл.

ISBN 978-5-91761-511-0

Более двух тысяч лет назад мир изменился. Одно событие, одна Личность изменили все. Более двух тысяч лет назад Христос ходил по земле, разговаривая с людьми и открывая им истинную Любовь. Что значит Боговоплощение в истории человечества? Каков истинный смысл праздника Рождества Христова? Об этом глубоко и живо рассказывает эта книга.

УДК 241
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-511-0

© В. Р. Легойда, 2016

© П. И. Великанов, 2016

© Издательство «Никея», 2016

Допущено к распространению
Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р16-519-0902

Религиозно-просветительское издание

Великанов Павел Иванович, протоиерей

Легойда Владимир Романович

**Несколько слов
к Рождеству Христову**

Дизайнер Анастасия Новик

Редактор Татьяна Стрыгина

Корректор Марина Макарова

Издательский дом «Никея»
Москва, Покровский б-р, д. 12

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

тел.: 8 (495) 600-35-10

info@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

тел.: 8 (495) 600-35-10

sales@nikeabooks.ru

Подписано в печать 20.11.2015. Формат 70x90¹/₃₂

Бумага офсетная. Тираж 10 000 экз.

ISBN 978-5-91761-511-0

